
УДК 316.42

DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.03

ДОЛГОВ А.Ю.* ЖИЗНЬ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ОБЗОР СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА *JOURNAL OF RISK RESEARCH*, ПОСВЯЩЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ НАСЛЕДИЮ УЛЬРИХА БЕКА

Аннотация. В обзоре рассматриваются статьи специального номера «Журнала исследований риска» (*Journal of risk research*, 2018, Vol. 21, N 1), посвященного интеллектуальному наследию немецкого социолога Ульриха Бека (1944–2015). Авторы статей фокусируются не только на известной теории общества риска, но и подробно анализируют другие идеи и понятия У. Бека, такие как «индивидуализация», «космополитизм», «риск-класс», «методологический национализм» и др. В статьях показано, что с помощью работ Бека можно изучать как макроструктурные трансформации, так и процессы на микроуровне, включая темы, посвященные природным и техногенным катастрофам, изменению климата, терроризму, продовольственной безопасности, трансформации семьи, сообществ и солидарности.

Ключевые слова: Ульрих Бек; общество риска; модерн; неопределенность; индивидуализация; космополитизм; катастрофы; солидарность.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: adolgov@inion.ru

Для цитирования: Долгов А.Ю. Жизнь в обществе риска : обзор специального выпуска *Journal of risk research*, посвященного интеллектуальному наследию Ульриха Бека // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 4. – С. 37–55. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.03

DOLGOV A.Yu. ** Living in a risk society: a review of the special issue of the *Journal of risk research* on Ulrich Beck's intellectual legacy

Abstract. The review considers articles from a special issue of the *Journal of risk research* (2018, Vol. 21, N 1) devoted to the intellectual legacy of the German sociologist Ulrich Beck (1944–2015). The authors of the reviewed articles focus not only on the well-known theory of risk society, but also analyze in detail other ideas and concepts of Beck, such as «individualization», «cosmopolitanism», «risk-class», «methodological nationalism» and others. The articles show that Beck's work can be used to study both macrostructural transformations and micro-level processes, including topics on natural and man-made disasters, climate change, terrorism, food security, and transformations of families, communities and solidarity.

Keywords: Ulrich Beck; risk society; modernity; uncertainty; individualization; cosmopolitanism; catastrophes; solidarity.

For citation: Dolgov A. Yu. Living in a risk society : a review of the special issue of the *Journal of risk research* on Ulrich Beck's intellectual legacy Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2022. – N 4. – P. 37–55. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.03

В представленном обзоре рассматриваются статьи специального выпуска «Журнала исследований риска» (*Journal of risk*

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics». E-mail: adolgov@inion.ru

research, 2018, Vol. 21, N 1)¹, тема номера – «Наследие Ульриха Бека». Журнал выходит с 1998 г., его выпускает международное научное книжно-журнальное издательство *Taylor & Francis*, периодичность выхода – 12 номеров в год. Как ясно из названия журнала, его тематическое поле выстраивается вокруг понятия «риск». В журнале публикуются как теоретические и эмпирические исследования риска, так и прикладные работы, связанные со способами минимизации и управления рисками. Немецкий социолог и политический философ Ульрих Бек (1944–2015) был одним из тех, кто значительно повлиял на то как это понятие стало использоваться в социальных науках. Статьи специального номера *Journal of risk research* нацелены на то, чтобы показать, как интеллектуальное наследие Ульриха Бека можно использовать при анализе современных социальных процессов.

Номер журнала начинается с вводной статьи «Обсуждение риска: помещая работу Ульриха Бека в контекст» реакторов-составителей Адама Берджесса (Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания), Джейми Уордмана (Ноттингемский университет, Великобритания) и Гейба Майтена (Ливерпульский университет, Великобритания) [Burgess, Wardman, Mythen, 2018a]. Авторы отмечают, что хотя книга У. Бека «Общество риска: на пути к другому модерну»² стала бестселлером, многие другие его работы и идеи остаются малоизвестными. Само «Общество риска», скорее всего, вдумчиво прочитали тоже далеко не все. Поэтому с помощью публикации специального номера журнала они попытались выделить различные элементы размышлений Бека, контекстуализировать его наследие и выявить влияние его работ не только на академическое сообщество, но и на более широкую публику [ibid., p. 1].

Редакторы-составители номера подчеркивают, что центральное место в размышлениях Бека о риске занимает идея о том, что основные угрозы, с которыми сталкивается общество, больше

¹ См. сайт журнала: *Journal of risk research*. – URL: <https://www.tandfonline.com/journals/rjrr20> (accessed: 10.11.2022).

² Beck U. *Risikogesellschaft : auf dem Weg in eine andere Moderne*. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1986. Русский перевод книги: Бек У. *Общество риска : на пути к другому модерну*. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000.

не являются преимущественно внешними (т.е. это не, например, стихийные бедствия). Угрозы производятся как непреднамеренные последствия самой модернизации, т.е. они вызваны деятельностью людей (климатические изменения и техногенные катастрофы – самый яркий пример). При этом в творчестве Бека риск носит двоякий характер: он понимается и как реальный, и как социально сконструированный феномен [Burgess, Wardman, Mythen, 2018a, p. 2].

Бек активно публиковал не только научные работы, но и регулярно писал эссе и заметки для немецких и международных СМИ. Стиль его письма часто был двусмысленным и провокационным, что порой вызывало бурную реакцию общественности на его высказывания. Нельзя не замечать тот факт, полагают А. Берджесс, Дж. Уордман и Г. Майтен, что Бек не только ориентировался на создание общей теории риска, но и стремился побудить интеллектуалов и рядовых граждан признать, что мир переживает разгар радикальной трансформации [Burgess, Wardman, Mythen, 2018a, p. 3]. При этом Бек последовательно выступал против отрицания неопределенности модернизации, которое иногда свойственно ученым, политикам и СМИ. Признание неопределенности – шаг в сторону понимания и управления рисками. В целом, полагают авторы введения к номеру, отказ Бека от «укоренившихся традиций и готовность бросить вызов социологической ортодоксии позволили ему убедить нас в социальной значимости риска и заставить исследователей всерьез задуматься над тем, что он говорит нам о мире, в котором мы живем сегодня» [ibid., p. 4].

Следующая статья номера – «Ульрих Бек: исследование риска и борьба с ним», ее автор – Мадс Сёренсен (Орхусский университет, Дания) [Sørensen, 2018]. В статье анализируется концептуализация риска Беком и показывается, как он прояснял и усовершенствовал это понятие с момента первой публикации «Общества риска» в 1986 году. М. Сёренсен отмечает, что Бек понимает под риском не то, что в основном под ним понимает академическое сообщество. Чаще всего риск означает измеримую неопределенность, создаваемую цивилизацией, а Бек говорил о неизмеримой неопределенности [ibid., p. 6–7]. Символом наступления эпохи такой неопределенности для Бека стала авария на Чернобыльской АЭС, которая произошла в апреле 1986 г., как раз тогда, когда он заканчивал работу над «Обществом риска».

Общество риска, согласно Беку, приходит на смену индустриальному обществу. Бек считал, что мы движемся ко «второму модерну», который он называл рефлексивным (*reflexive modernity*). «Рефлексивность» здесь означает, скорее, «рефлектор», «отражатель», а не рефлексию, как в «рефлексивной модернизации» Энтони Гидденса¹. Бек полагает, что модерн теперь отбрасывается обратно к самому себе, как свет, упавший на рефлектор, отбрасывается назад к своему источнику. Рефлексивный модерн может привести к рефлексии о саморазрушении и самоугрозе общества, но это не обязательно [Sørensen, 2018, p. 7].

Особенность рисков модерна состоит в том, что они становятся самопроизводящимися, в то время как *опасности* (*hazards*) доиндустриальных обществ носили нерукотворный, естественный характер (например природные катастрофы, эпидемии). Риски модерна не являются исключительно искусственными, они одновременно соединяют в себе черты доиндустриальных опасностей и самопроизводящихся рисков (Бек называет их «новыми рисками» или «техногенными (man-made) катастрофами») [Sørensen, 2018, p. 8].

Возникает вопрос: являются ли «новые риски» настоящими, или это скорее конструирование страхов нашего времени? Ответ Бека: они являются и тем, и другим. У рисков есть объективные основания, но они также всегда связаны с общественным восприятием, а значит, это всегда сочетание реального и конструируемого.

Далее М. Сёренсен рассматривает понятие риска через принцип страхования. Он отмечает, что в обществе риска нарушается сам принцип страховых технологий, и это связано как минимум с тремя причинами. Во-первых, современные риски сопряжены с «глобальным, часто непоправимым ущербом»; во-вторых, их невозможно предсказать или измерить их последствия; в-третьих, их часто невозможно разграничить во времени и пространстве [Sørensen, 2018, p. 9].

Еще один важный аспект в понимании рисков заключается в том, что новые риски становятся видимыми только с помощью научных теорий, экспериментов, оборудования, т.е. они всегда

¹ Giddens A. Living in a post-traditional society // Reflexive modernization : politics, tradition and aesthetics in the modern social order / ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – London : Polity, 1994. – P. 56–109.

опосредованы наукой. Например, мы не можем напрямую с помощью наших органов чувств зафиксировать глобальное потепление и понять, следует ли его опасаться [Sørensen, 2018, p. 10].

Бек также полагает, что жить в обществе риска – значит жить с неустрашимым незнанием, т.е. нужно свыкнуться, что в современных условиях постоянно будут возникать политические, социальные и моральные парадоксы и дилеммы. Независимо от того, сколько и какие исследования мы проведем, мы никогда не сможем получить определенные знания о новых рисках. С каждым новым научным достижением возникает новое незнание. Таким образом, возникает более сложный взгляд на науку: с одной стороны, признается необходимость того чтобы наука сообщала нам больше, чем когда-либо прежде, о том, где нас могут подстерегать опасности, а с другой – неизбежно то, что мы не всегда сможем получить точные знания о новых рисках [Sørensen, 2018, p. 11].

Риск, по Беку, сам по себе не означает катастрофы, он есть ожидание катастрофы. Поэтому, живя в обществе риска, мы имеем дело с тем, что еще не стало реальностью, и чему мы хотим помешать стать реальностью. Все это сильно усложняет принятие политических решений при стремлении бороться с новыми рисками: они более опасны, чем «традиционные» риски, их нельзя увидеть напрямую без помощи ученых и контролировать, мы очень мало знаем о них [Sørensen, 2018, p. 12]. При этом мы живем во взаимосвязанном и взаимозависимом мире, который нельзя рассматривать как набор отдельных национальных государств – а это уже вызов социальным наукам и их «методологическому национализму», который необходимо заменить «методологическим космополитизмом».

В целом, заключает М. Сёренсен, при описании современного западного общества теория общества риска дает возможность взглянуть на иррациональные, на первый взгляд, действия граждан и сообществ (например на их отказ от прививок, на протесты против строительства атомных электростанций, на скептицизм по отношению к ГМО-продуктам и т.д.) как на общий процесс индивидуализации. Этот процесс усиливается в условиях новых рисков из-за того, что люди ищут собственные стратегии, с помощью которых можно с ними справляться. Теория Бека позволяет также по-новому взглянуть на множество конфликтов между властью,

научными экспертами и рядовыми гражданами [Sørensen, 2018, p. 14].

Один из редакторов-составителей номера Гейб Майтен в своей статье «Размышляя вместе с Ульрихом Беком: безопасность, терроризм и трансформация» на примере изучения терроризма анализирует объяснительный потенциал трех понятий, с которыми работал Бек: «постановка» (*staging*); «организованная безответственность» (*organized irresponsibility*) и «эмансипаторный катастрофизм» (*emancipatory catastrophism*) [Mythen, 2018].

Г. Майтен отмечает, что в глобализованном мире задача контроля за распространением террористической деятельности в последние два десятилетия становится все более сложной из-за ряда взаимосвязанных факторов, включая расширение географии угроз; атаки, совершаемые так называемыми «незапятнанными» (*clean skins*)¹ и «одиночками»; и все большее разнообразие способов нападений [Mythen, 2018, p. 20].

Бек считал терроризм ярким примером искусственно создаваемого риска в современном обществе. Во-первых, это антропогенная угроза: конфликты и распри, побуждающие людей к организованному насилию, коренятся в культуре, религиозных нарративах, политических взглядах и истории, а инструменты, используемые террористами, являются продуктом научно-технического прогресса [Mythen, 2018, p. 20]. Во-вторых, террористическая угроза относится к категории рисков с масштабными последствиями, поскольку потенциально экстремистские группы могут совершить химическую, биологическую или ядерную атаку [ibid., p. 20–21]. В-третьих, террористическая угроза имеет глобальный охват, поскольку террористические сообщества могут создаваться по сетевому принципу и не привязываться к границам того или иного государства (при этом данные показывают, что, хотя терроризм может быть транснациональным, он остается преимущественно географически сконцентрированной формой насилия) [ibid., p. 21].

¹ Так называют террористов, которые ранее не совершали преступлений и не находились под подозрением и наблюдением спецслужб. Именно поэтому специалистам особенно сложно спрогнозировать и предотвратить совершаемые ими акты.

Развивая идею о том, как стимулируется внимание общественности к рискам, Бек вводит в оборот понятие *постановки*, под которой понимается попытка публично разыграть будущие риски с помощью процессов предварительной визуализации [Mythen, 2018, р. 22]. В этом процессе могут быть задействованы различные акторы, в первую очередь политики, СМИ и те, кто создает массовую культуру. Постановка – это нечто большее, чем просто воображение будущего, ее результатом должны стать: неприятие обществом повседневного чувства незащищенности; желание изменить сложившуюся ситуацию; конкретные действия. Негативное последствие постановки может быть связано с усилением беспокойства по поводу безопасности и с созданием атмосферы, в которой на определенные группы без разбора будет навешиваться ярлык опасности.

Если постановка позволяет уяснить, как институты представляют и выявляют будущие угрозы, то понятие *организованная безответственность* описывает управление этапами рисков. Для Бека «организованная безответственность» фактически является блефом, который разыгрывается институтами как средство демонстрации подобия контроля [Mythen, 2018, р. 24]. Это связано с тем, что институты, отвечающие за охрану и безопасность, действуют в условиях, когда эффективное управление рисками зачастую невозможно. Тем не менее, несмотря на неопределенность, связанную с такими рисками как терроризм, институты все равно должны демонстрировать, что они действуют в интересах общественной безопасности. Таким образом, по Беку, возникают различные формы запутывания, отвлечения внимания и мистификации, направленные на «символическую детоксикацию» рисков [ibid.]. Понимая свое бессилие перед мощью новых рисков, государственные институты стремятся распределить ответственность за их последствия: они увеличивают осведомленность общественности о террористических угрозах и побуждают ее размышлять о возможных будущих атаках. Таким образом, постановка и «организованная безответственность» связаны с режимами ответственности, посредством которых поощряются действия граждан, направленные на обеспечение безопасности для себя, своих сообществ и государства [ibid.].

Наконец, понятие *эмансипаторный катастрофизм* позволяет взглянуть на позитивные последствия катастроф и рисков. Это понятие разрабатывается Беком вместе с идеей метаморфоз, которая призвана отразить драматические изменения, охватившие современный мир и влияющие как на безопасность человека, так и на окружающую среду [Mythen, 2018, p. 25]. Бек пишет об «эмансипационных побочных эффектах глобального риска», благодаря которым генерируются обновленные нормативные горизонты, разрушающие узкие ограничения закрытых национальных перспектив [ibid.]. В заключение Г. Майтен отмечает, что применение этих трех понятий – постановки, «организованной безответственности» и «эмансипаторного катастрофизма» – позволит не только глубже и полнее понять феномен терроризма, но и разработать более эффективные стратегии борьбы с ним.

Автор следующей статьи под названием «Творческий вызов Бека классовому анализу: от отрицания класса к открытию риск-класса» – Дин Карран (Университет Калгари, Канада) [Cuttan, 2018]. В работе рассматривается связь идей Бека с классовым анализом. Начиная с первой главы «Общество риска», Бек обращает внимание на то, как процессы, происходящие в обществе риска, трансформируют классовые отношения, что показывает его интерес к этой теме. Однако в целом Д. Карран не считает понимание класса в работах Бека последовательным.

Д. Карран сводит причины, по которым Бек отрицает релевантность классов для зарождающегося общества риска к трем основаниям: эгалитарное распределение рисков; индивидуализация, нивелирующая социальные классы; космополитическая критика классов и критика связи классового анализа с «методологическим национализмом».

Возникновение эгалитарного распределения рисков Бек рассматривает в контексте перехода от «первого модерна» ко «второму модерну». Для Бека «первый модерн» характеризуется тремя фундаментальными характеристиками: веберианское инструментальное управление природой в наших собственных целях; центральная роль индустриального общества; доминирующее значение социальных систем отсчета (frames of reference) и идентичностей, таких как классовая и гендерная. В «первом модерне» возрастающий контроль человека над природой генерирует постоянный про-

гресс, в обществе преобладает система распределения благ. «Логика распределения богатства», согласно Беку, определяет социальную динамику в этот первичный период модерна, и именно вокруг распределения благ в первую очередь складывается классовый конфликт [Curran, 2018, p. 30].

В обществе риска («второй модерн») происходит фундаментальный сдвиг в социально-материальных отношениях. Общество риска основано на «рефлексивной модернизации», в рамках которой общество все чаще сталкивается с побочными эффектами своих собственных действий. Для Бека жизнь в обществе риска – это «жизнь в эпоху побочных эффектов», когда наши основные экономические, политические и социальные процессы непрерывно порождают новые риски, которые он называет «производящимися неопределенностями» [Curran, 2018, p. 30–31]. Согласно Беку, растущая технологическая мощь общества благодаря успехам рационализации и контроля над природой подрывает основу веберийской рационализации, поскольку вместе с растущими техническими возможностями увеличивается неизмеримость их последствий [ibid., p. 31]. Поэтому производство богатства здесь сопряжено с производством рисков; соответственно, распределяется не только богатство, но и риски. Отсюда следует вывод Бека о том, что в обществе риска индивиды занимают не только классовые позиции, но и позиции по отношению к риску. Классовое неравенство становится менее важным для общества, чем неравенство в распределении рисков, которое зачастую имеет уравнивающий эффект, ведь вне зависимости от того сколько у индивида денег, он будет подвержен тем же экологическим и техногенным рискам, как и все остальные.

Значение классовых отношений в обществе риска подрывается еще одним процессом – индивидуализацией. Бек считает, что в условиях рефлексивной модернизации происходит растворение «традиционных параметров индустриального общества», таких как классовые культура и сознание, гендерные и семейные роли. Индивид становится «единицей, воспроизводящей социальное в жизненном мире», а капитализм может существовать без классов [Curran, 2018, p. 31–32]. Но такая позиция Бека не означает, что он возвышает значение индивидуального над социальным. Просто само социальное трансформировалось. Объясняя усиливающуюся

индивидуализацию, Бек подчеркивает, что это не просто субъективный процесс, затрагивающий отдельных индивидов, а скорее процесс социализации, в котором индивидуализация социально институционализирована [Cunha, 2018, p. 32]. Современный рынок труда и социальные институты, возникшие благодаря этому процессу (например государство всеобщего благосостояния), способствовали тому, что индивиды стали рассчитывать в первую очередь на собственные ресурсы и судьбу, а не на «традиционные» социальные институты. Бек отмечает, что при этом усиливаются три компонента, связанные с рынком труда: образование, мобильность и конкуренция [ibid.].

Внимание Бека к теме классов также проявилась в его критике социологии за ее «методологический национализм». Под «методологическим национализмом» он понимал подход в социальных науках, который предполагает, что нация, государство и общество являются «естественными» социальными и политическими формами современного мира [Cunha, 2018, p. 33]. Бек утверждал, что «второй модерн» запускает все больше социальных процессов, для которых национальные границы перестают играть какую-либо роль. Поэтому, считает Бек, ученым необходимо обновить свою оптику, отказаться от «понятий-зомби», которые перестали что-либо объяснять в современных условиях, и разработать «основы космополитической социальной и политической науки» [ibid.]. Соответственно, понятие «класс», наряду с «этнической группой», «нуклеарной семьей» и прочим нужно отбросить, поскольку они более не актуальны в контексте формирующейся «социальной структуры глобальной жизни» [ibid.]. Тем не менее, Д. Карран отмечает, что в описании Беком общества риска есть элементы, «которые предполагают, что космополитическая перспектива требует реконструкции, а не отказа от классового анализа» [ibid.].

Д. Карран, продолжая размышления Бека о связи класса и риска, приходит к выводу что социальные риски на самом деле не уравнивают индивидов, а усиливают классовое неравенство [Cunha, 2018, p. 36]. Например, в случае с экологическими рисками те, кто обладают большими ресурсами, могут монополизировать имеющиеся (пусть даже гипотетические) способы спасения, а основная тяжесть этих рисков ложится на плечи малообеспечен-

ных людей. В сферах с финансовыми рисками привилегированный класс способен создавать их высокий уровень и присваивать себе от этого выгоды, а также он может обезопасить себя от побочных эффектов большинства таких рисков [Cunha, 2018, p. 36]. В своих более поздних работах Бек все же приходит к выводу, что конец классов – это не конец неравенства, а начало «радикализованного неравенства». В целом, заключает Д. Карран, наследие Бека в отношении изучения класса похоже на двуликого Януса. Оно мощное по своему влиянию, но ограничено неспособностью Бека увидеть то, как класс стал основой социального структурирования процессов риска, а не то, как классовые процессы были заменены процессами рисков [ibid., p. 38].

Андерс Блок (Копенгагенский университет, Дания), автор статьи «Политика городских климатических рисков: теоретические и эмпирические уроки методологического космополитизма Ульриха Бека», рассматривает существующие подходы к изучению городской климатической политики и анализирует потенциал теории общества риска и методологического космополитизма в описании этой проблемы [Blok, 2018]. В оптике теории риска, отмечает он, города становятся главными местами, определяющими глобальные риски нашего времени (хотя бы потому, что на города приходится непропорционально большая доля от глобальных выбросов углерода – более 70%) [ibid., p. 41]. В своей работе А. Блок рассматривает три основные аналитические рамки, сравнивая их с методологическим космополитизмом Бека: 1) литература по переходу к низкоуглеродному развитию, в которой определяются процессы социально-технического «озеленения» городских инфраструктур; 2) работы по городской политике мобильности, в которых документируются растущие междугородние сети, создающиеся вокруг климата и устойчивости; 3) акторно-сетевая теория, которая основана на городских противоречиях и затрагивает проблемы локализованной политики специфических городских «ландшафтов рисков» (подход, основанный на картографии рисков). В своей статье А. Блок использует также понятие космополитических сообществ климатических рисков. Они определяются как «новые транснациональные конфигурации социальных акторов, возникающие исходя из общего опыта опосредованных климатических угроз, которые организованы вокруг прагматического

обоснования причинно-следственных связей и ответственности, что потенциально делает возможными их коллективные действия, принятие ими космополитических решений и выработку международных норм»¹.

В целом А. Блок приходит к выводу, что с помощью понятия космополитических сообществ можно интегрировать различные подходы к изучению городов и климатической политики. Три упомянутых аналитических подхода также могут обогатиться за счет идей Бека, если они переориентируются на изучение того, как взаимозависимость локальных и глобальных рисков стимулирует процессы трансграничного формирования городских сообществ и производства норм. В основе этого подхода лежит характерное для Бека внимание к тому, как глобальные риски (в частности изменение климата) стимулируют динамику социокультурных и политических изменений по всей планете, хотя происходит это так, что новые трансграничные взаимосвязи рисков проявляются через конкретные местные и региональные модели истории и социальных изменений, а не единообразно в глобальном ключе [Blok, 2018, p. 52].

Статья Дэниела Леви (Университет Стоуни-Брук, шт. Нью-Йорк, США) «Риск и космополитизация солидарности» посвящена изучению того, как трансформация в восприятии рисков повлияла на изменение различных форм солидарности [Levy, 2018]. Д. Леви отмечает, что с начала модерна неопределенность и ее сдерживание были центральными принципами выстраивания политических сообществ — как в теории, так и на практике. Например, общественный договор, выступающий решением проблемы «естественного состояния» у Т. Гоббса, можно рассматривать как противопоставление неопределенности и рискам [ibid., p. 56–57]. Таким образом, солидарность стала восприниматься преимущественно как противоположность риску. Д. Леви выступает с другой точкой зрения и рекомендует взглянуть на риск как на ключевое условие для прошлых и новых возникающих форм солидарности. Он предлагает переосмыслить солидарность, которая конституируется че-

¹ Cosmopolitan communities of climate risk : conceptual and empirical suggestions for a new research agenda / Beck U., Blok A., Tyfield D., Zhang J.Y. // Global networks. – 2013. – Vol. 13, N 1. – P. 2.

рез национальное государство, и сфокусироваться на космополитических формах солидарности.

Упомянутое выше понятие «эмансипаторный катастрофизм» Д. Леви для целей своего исследования советует заменить на «космополитический катастрофизм», отмечая, что космополитизм и космополитизация являются исторически обусловленным ответом на новые сети взаимозависимости, характеризующиеся растущими осознанностью и бдительностью по отношению к мировому обществу риска [Levy, 2018, p. 61]. Так, люди, объединенные друг с другом общим опытом риска, создают новые формы солидарности. Большую роль в этом играют различные международные медиа, которые фреймируют и передают информацию о рисках в глобальном масштабе.

Медиарепрезентации глобальных рисков, которые пропускаются через опыт локальных сообществ, пишет Д. Леви, часто порождают как космополитические, так и неонациональные сети принадлежности. Он также считает, что космополитические идентификации возникают на стыках глобальных ориентаций и частных принадлежностей. Космополитические ориентации, таким образом, не приводят к отрицанию сохраняющейся реальности нации для социальных акторов. Но привлекательность космополитизированной принадлежности для индивидов состоит в том, что она предлагает предвосхищение опасного будущего, т.е. осмысление совместных столкновений с риском [Levy, 2018, p. 63–64]. В заключение Д. Леви отмечает, что вне зависимости от того, какую оптику мы используем – национальную или космополитическую, неопределенность в отношении будущего и сдерживание рисков будут поддерживать дебаты о солидарности [ibid., 64].

Следующая статья номера – «Взгляд на космополитическое сообщество риска “через миску”: изучение методом кейс-стади движения за качественную еду в Китае», автор – Джой Ю. Чжан (Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания) [Zhang, 2018]. Д. Чжан отмечает, что теорию общества риска Бека часто упрекают за европоцентризм и отсутствие эмпирического обоснования. В ответ на это она решила расширить рамки исследования общества риска за пределы Европы, изучив движение за качественную еду в Китае. Данные для исследования она собрала с по-

мощью проведения пяти фокус-групп и 14 интервью с участниками этого движения.

У движения за качественную еду нет официального названия («Good Food (Liang-Shi) Movement» его называет сама автор), организации, управленческой иерархии. Это, скорее, набор идей и инициатив, за которые выступают некоторые китайские граждане (в основном – представители городского среднего класса). Их общая цель состоит в том, чтобы повысить устойчивость современной продовольственной системы к рискам с помощью привлечения внимания общественности к проблеме осознания и переориентации властных отношений в производстве продуктов питания [Zhang, 2018, p. 68–69]. Представители этого движения не только интересуются безопасностью еды, но и открыты для использования мирового опыта в этой сфере.

Идея взглянуть на движение за качественную еду через теорию риска Бека пришла в голову Д. Чжан случайно, во время обеденного перерыва. Она обедала в местечке, сотрудники которого продвигали идеи качественной еды. Ей принесли заказанное блюдо: рис с обжаренными помидорами, тофу, зеленью и ростками фасоли. Это были качественные экологически чистые продукты, которые сотрудники закупали на различных независимых фермах по всему Китаю, а также упакованные продукты, которые импортировались от поставщиков-единомышленников из соседних стран и из Германии. И тогда она подумала, что в ее миске в буквальном смысле лежит то, что создано «космополитическим сообществом риска» по Беку [Zhang, 2018, p. 69].

Д. Чжан развивает идеи Бека в двух направлениях. Во-первых, она считает, что позитивные эффекты риска для космополитического сообщества возникают не только из-за глобальных кризисов, таких как изменение климата и финансовый крах. Повседневная и глубоко личная забота о том, чтобы положить в миску качественную и безопасную еду, тоже стимулирует акторов создавать новые формы социальной солидарности, космополитические по своей природе. Во-вторых, Д. Чжан не согласна с Беком в том, что общество риска достигло своей кульминации в «космополитической точке», поэтому она исследует, как перформативное космополитическое сообщество перестраивает социальные отношения для снижения рисков на местах [Zhang, 2018, p. 69]. Д. Чжан показыва-

ет, как представители движения пытаются переопределить отношения производителей и потребителей, чтобы те и другие увидели, что они не находятся на противоположных концах длинной производственной цепочки с конфликтующими интересами, а являются взаимозависимыми частями продовольственного сообщества [Zhang, 2018, p. 78].

В заключение Д. Чжан пишет о том, что представители движения за качественную еду преследуют простую цель: положить в свои миски для еды безопасные ингредиенты. Для этого они предпринимают коллективные усилия по смягчению нового «продовольственного кризиса» в Китае, что свидетельствует об ощущении ими риска, связанного с индустриальным модерном. Влияние этого движения на агроэкономику Китая заключается не столько в объеме и масштабах его производства и распределения, сколько в инициировании им коллективного осмысления причинно-следственных связей современных пищевых рисков в крупных китайских городах [Zhang, 2018, p. 80].

В статье еще одного редактора-составителя номера – Адама Берджесса – «Переосмысливая индивидуализацию: глобальное развитие семьи, неопределенность и риск» пересматривается актуальность бековского понятия индивидуализации, которое, как правило, остается «в тени» его теории общества риска [Burgess, 2018].

Согласно Беку, западные общества после 1960-х годов стали принципиально отличаться от модерна периода капиталистической индустриализации, что было обусловлено разрушением коллективных норм и иерархий и освобождением женщин [Burgess, 2018, p. 85]. Индивидуализация, отмечает А. Берджесс, подразумевает возрастающую ориентацию индивида на самого себя и соответствующий упадок общины и традиционных семейных обязательств. Вместе с этим конкурентный и гибкий рынок труда требует постоянного повышения эффективности работы и, следовательно, переподготовки, и такое давление заставляет людей проявлять индивидуальность в экономике [ibid., p. 86].

Современному индивиду открывается более широкий выбор альтернатив по сравнению с прошлыми периодами. Проблема, согласно Беку, заключается в том, что гибкая система профессионального труда и культура квалификаций давят на человека и направляют его к индивидуальным реакциям, которые затрудняют

реализацию социальных отношений [Burgess, 2018, p. 87]. В обществе риска такой индивид чувствует себя разочарованным, поскольку растущая неопределенность усиливается тем, что он остается без коллективных ориентиров и направлений. При этом он ищет способы «повторно встроиться» (*re-embedding*) в социальную структуру. «Это характерное состояние индивидуализированной и тревожной неуверенности, которое является условием второго модерна», – пишет А. Берджесс [ibid., p. 92]. Множественность выбора способна обернуться тем, что индивид может передать ответственность и право решать за него другим.

Растущая неуверенность и ощущение незащищенности индивидов отражаются на том, как развиваются современные семьи, заключает А. Берджесс. «Если мы не можем сделать ничего другого, мы можем, по крайней мере, стремиться сделать наши сообщества / семьи / детей / тела “безопасными” и войти в постоянное состояние “управления рисками всего”», – пишет он в заключение [Burgess, 2018, p. 93].

Завершается номер статей его редакторов-составителей Г. Майтена, А. Берджесса и Дж. Уордмана «Пророчество Ульриха Бека: ориентиры для социальных наук» [Mythen, Burgess, Wardman, 2018b]. Авторы еще раз обрисовывают значение ключевых тем, которые были затронуты в подготовленном ими выпуске журнала: природа риска; достижения в методах; проблемы незнания и неопределенности; развитие космополитических сообществ риска; и ситуативный характер индивидуализации. Они считают, что Бека отличает умение предлагать методологию и основные понятия, которые способны охватить как макроструктурные трансформации, так и процессы на микроуровне [ibid., p. 99]. Собранные статьи, посвященные продуктам питания, структуре семьи, терроризму и изменениям климата, отчетливо продемонстрировали этот тезис.

В заключение отметим, что Беку удалось оставить после себя очень богатое интеллектуальное наследие, которое можно плодотворно использовать для описания и объяснения глобальных процессов XXI века. Безусловно, с выводами работ Бека можно и нужно продолжать спорить. Но происходящие процессы, связанные с пандемией COVID-19, военными конфликтами, прорывными решениями в области применения биомедицинских и компьютер-

ных технологий (в частности, в редактировании генов и применении искусственного интеллекта), лишь подтверждают актуальность идей Ульриха Бека.

Список литературы

Blok A. The politics of urban climate risks : theoretical and empirical lessons from Ulrich Beck's methodological cosmopolitanism // *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 41–55.

Burgess A. Individualization revisited : global family developments, uncertainty and risk // *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 83–95.

Burgess A., Wardman J., Mythen G. Considering risk : placing the work of Ulrich Beck in context // *Journal of risk research*. – 2018 a. – Vol. 21, N 1. – P. 1–5.

Curran D. Beck's creative challenge to class analysis : from the rejection of class to the discovery of risk-class // *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 29–40.

Levy D. Risk and the cosmopolitanization of solidarities // *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 56–67.

Mythen G. Thinking with Ulrich Beck : security, terrorism and transformation // *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 17–28.

Mythen G., Burgess A., Wardman J.K. The prophecy of Ulrich Beck : signposts for the social sciences // *Journal of risk research*. – 2018 b. – Vol. 21, N 1. – P. 96–100.

Sørensen M.P. Ulrich Beck : exploring and contesting risk // *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 6–16.

Zhang J.Y. Cosmopolitan risk community in a bowl : a case study of China's good food movement // *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 68–82.

References

Blok A. The politics of urban climate risks : theoretical and empirical lessons from Ulrich Beck's methodological cosmopolitanism. *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 41–55.

Burgess A. Individualization revisited : global family developments, uncertainty and risk. *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 83–95.

Burgess A., Wardman J., Mythen G. Considering risk : placing the work of Ulrich Beck in context. *Journal of risk research*. – 2018 a. – Vol. 21, N 1. – P. 1–5.

Curran D. Beck's creative challenge to class analysis : from the rejection of class to the discovery of risk-class. *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 29–40.

Levy D. Risk and the cosmopolitanization of solidarities. *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 56–67.

Mythen G. Thinking with Ulrich Beck : security, terrorism and transformation. *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 17–28.

Mythen G., Burgess A., Wardman J.K. The prophecy of Ulrich Beck : signposts for the social sciences. *Journal of risk research*. – 2018 b. – Vol. 21, N 1. – P. 96–100.

Sørensen M.P. Ulrich Beck : exploring and contesting risk. *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 6–16.

Zhang J.Y. Cosmopolitan risk community in a bowl : a case study of China's good food movement. *Journal of risk research*. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 68–82.